

СЛОЖНЫЙ ШОЛОХОВ

Захар Прилепин. Незаконный. М.: Молодая гвардия, 2023. — 1088 с.

НЕ УСТАНУ повторять: Захар Прилепин сейчас делает огромное значение работу для нашей культуры. Он выводит очень много охаянное или забытое в истории нашей литературы в поле интерпретации. Он борется с бесами дурной конспирологии. Он актуализирует, упаковывает для сегодняшнего дня забытых авторов. Всё это очень важно.

Наша литература о литературе, наша металитература крайне немногословна. Как это ни странно. Она оживает только в случаях лихой иномирной провокации. Оживает и реагирует. Не будь таких провокаций, наша литература о литературе ограничивалась бы только скучнейшими и нелюбимыми академическими штудиями для нескольких десятков профессиональных читателей.

Нам необходима, если угодно, игра в историю нашей литературы. Нам нужны интерпретации, актуализации её по поводу и без повода. Тем более что есть во что играть. Материал богатейший, гениев неисчислимо множество. Наша литература даже несколько перенаселена. Она требует постоянного аудита, постоянной переписи. Эти драгоценные камни так и хочется постоянно перепарить, выносить их на свет. Любоваться ими. Очень мало в мире литератур, в которых есть абсолютно всё, в которых можно жить безвылазно без потери в поддержании уровня человечности, культуры, цивилизованности даже.

Но, имея такие запасы, мы не должны лениться. И Прилепин за многих не только умудряется писать на оригинальные темы,

но и регулярно выдаёт шедевры металитературы. Их уже набирается на целое собрание сочинений. Это книги о Леонове и Есенине, Мариенгофе, Корнилове и Луговском. Это роскошный и вдохновенный "Взвод", у которого, к счастью, будет продолжение. Теперь же ещё и мощный и ценный том о Шолохове.

Как и в книге о Есенине, здесь Прилепин опять на тысяче страниц беспорно и триумфально демонстрирует абсурдность и просто невозможность малейших сомнений в авторстве "Тихого Дона". Он выносит к чёртовой матери все эти потуги найти другого автора великой книги. Теперь просто глупо петь эту песенку подлцов и негодяев.

У нас как-то принято считать, что писатели должны питаться святым духом. Им вообще грешно быть успешными и состоятельными. Откуда это пришло, непонятно. Но инфантилизм подобного убеждения уже даже не кажется смешным. Прилепин же не чурается экономики и даже политэкономии шолоховского творчества. И это очень хорошо, даже свежо и полезно.

Когда погружаешься в эти рациональные материи, как-то меньше хочется разводить словеса о признанности и непризнанности, опальности или обласканности, контруктуальности или мейнстримности. То же касается и социологии творчества. И здесь Прилепин демонстрирует то, как работала советская писательская иерархия, и это очень интересно. Шолохов показан в социуме, в большом социальном контексте, в социальном и институциональном даже пейзаже.

У нас как-то немного говорят о международной славе Шолохова. Ещё до Нобелевской премии. Кстати, и в эмигрантских кругах тоже. Но далеко не только. И насколько же провинциальными и меленькими оказываются все наши аборигенно-западные критики великого писателя. Меленькими и мелочными, но, надо это признать, неутомимыми.

Вообще Прилепин виртуозно, но весьма деликатно показал одну родовую примету нашей литературы и даже всей культуры — непростительность успеха. Успех у публики у нас почитается непростительным. За успех обязательно последует расплата. В нашей культуре есть одна допустимая разновидность успеха — посмертный успех. Прижизненная популярность — чёрная метка для автора. Успеха следует стыдиться. У нас не умеют делать успех, радоваться успеху. Книга Прилепина — это в числе прочего история успеха и даже триумфа. Прилепин не чурается этой грани своей книги.

А ещё Прилепин демонстрирует, заботливо собирает шолоховскую сложность, его неуловимость для политизированных, зараженных дурной нашей интеллигентностью авторов. Прилепин в очередной раз приглашает нас к сложности. Он и сам такой же. Он опознал в Шолохове своего. Он всегда сложнее, чем подают его нам на наши читательские столы всевозможные публикации из соцсетей и других душевно-чуждых сред. Стало трудно среди огромного, гуманитарно опалённого и опылённого народонаселения, мнящего себя специалистами в пиаре и прочем подобном. У нас сейчас царит вакханалия гуманитарной псевдоискусственности. Вся эта огуманитаренная розница рыщет по Интернету в поисках "жертв" и "светочей", беспрестанно обижается, вскипает гневом и впадает в почти рабскую апологетику. Но... и это пройдёт. Но всё же изрядно утомляет.

И ещё. До чего же хорошо эта книга написана! До чего же она увлекает! Для решения авторской задачи требовалось обильно цитировать самого Шолохова с его густым и наваристым языком, а потому нужно было соответствовать. Удалось. И более чем.

Приходится, да, эгоистично, но ждать новых книг Прилепина о книгах и писателях в социальном пейзаже.

Евгений ФАТЕЕВ

«...ТОЛЬКО ЛИЧНОЕ!»

Маликов Е.В. Танец семи покрывал: две маленькие книжки о большом искусстве. М.: Канон + РООИ "Реабилитация", 2022. — 296 с.: ил.

ЕСЛИ БЫ не звонок в редакцию в середине нулевых, на который ответил именно я, возможно, ваш покорный слуга имел бы только заочное представление о Евгении Маликове. К тому моменту мне довелось прочитать ряд его любовных текстов, имя автора "из Сибири" я запомнил. Поэтому с воодушевлением поспособствовал дальнейшему проявлению Маликова на страницах "Завтра". Но могло стать и так, что даже если бы общение с "Завтра" не сложилось, то Маликов, перебазировавшийся в Москву, не остался бы для меня только ретроспективным чтением. И если моя неключёность в музыкальный театр оставляла мало шансов на непосредственное общение, то в средах современного искусства, на выставках и книжных презентациях, мы неизбежно оказывались на одной территории. И не заметит Евгения там было сложно: например, он мог прийти на декорную презентацию и превратить её в естественное диалогическое. (К слову, спорить с ним довольно сложно — это естественнонаучное образование даёт ему умение чётко выражать свои мысли и безапелляционно подавлять оппонентов знаниями и логикой.) Искренний интерес, здоровые амбиции, небанальные представления, яркое письмо быстро превратили Маликова в видную фигуру культурно-медийного поля.

Балетный критик, ценящий женскую красоту, консерватор, чьи статьи о современном искусстве достойны учебника, евразиец без азиатства. Неудивительно, что его одновременно издают академический "Канон" и инверсивно-культурологический "Опустошитель". И "Танец семи покрывал" одновременно работает на несколько жанров: автобиография, хроника театральной жизни, прикладная культурология. Есть книги, которые никак не связаны с характером и жизнью автора. "Танец семи покрывал" — абсолютно иная история, это полноценный портрет Евгения Маликова.

Итак, в настоящей книге "осмысливается опыт балетного и оперного критика на примере фигуры нарушителя конвенций, каковым оказывается автор. Описывая проведение длительного социологического эксперимента, дилетантского по методике, но профессионального по провокативности, автору удаётся рассмотреть то, что обычно ускользает от взгляда ангажированного рецензента. Объектом рассмотре-

ния становится бытие критика как отдельная линия в картине "медианого пространства", а предметом — вопрос о том, кем и как формируется властный дискурс на театре. Для широкого круга специалистов в области профессионального дилетантизма, культурологии и театроведения".

Дипломированный физик Маликов настаивает на том, что фигура наблюдателя предельно важна. Здесь мы видим его взгляд — вдохновенный, раздражённый, возмущённый, объективный. "Я больше всего в жизни боюсь показаться объективным. Никакого бизнеса — только личное!" Тем не менее он умудряется пройти между Сциллой сугубого профессионализма и Харибдой зрительской ажиотации. Или же иначе — Маликов принципиально холоден или же горяч, но только не тёпл, куда зачастую сваливается потребительский подход.

Если балет, то это не только Большой театр, но и МАМТ, и "Балет Москва" и всевозможные региональные площадки. Если опера, то и "Золотой петушок", и панк-опера "Медея". Выбирать интересное и важное (вне зависимости от реакции) Маликов умеет. Сегодня сложно избежать широкого спектра интересов, противоречивых влияний, но кое-кому удаётся выстроить всё это в стройную иерархию. Маликов — из их числа.

Маликов всегда предсказуемо-непредсказуем. Он может найти ценность в локальном проекте и устроить порку звёздам. А его разрозым "режиссёрских опер" я особо ценю, ибо Маликов не атакует спектакли с дальней дистанции, но уверенно заходит на территорию "противника", его критика имманентна и поэтому куда более убийственна. Он может быть авангарднее самого радикального экспериментатора и требовать предельного классицизма. Но апеллируя к традиции, Евгений не замыкает историю в последние два-три столетия, чем постоянно грешат ревнители таких слов, как "классика" и "духовность".

Он верит в божественное происхождение искусства, поэтому воспринимает всё предельно серьёзно. Но именно поэтому может позволить себе обронить: "Я хочу получать удовольствие от музыки, а мне подсовывают неумные шарады". Спектакль для него событие, а не препарируемые факты. Пожалуй, и слово "критик" в его случае — не самое правильное определение, ибо Маликову куда ближе диалектика, нежели критика, а по большому счёту он вообще склонен к сильно "докритическим" временам.

Главное, что читать настоящую книгу очень нескучно. И тем, кто хорошо знаком с творчеством Евгения Маликова, и тем, кто открывает для себя это имя, включая аудиторию, далёкую от музыкальных искусств. Добро пожаловать в "Танец семи покрывал"!

Даниил ТОРОПОВ

Малинецкий Г.Г. Системы управления наукой, образованием, конфликтами. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. — 80 с.

СЕГОДНЯ для нас уже не фантастика — возможность в онлайн-режиме, то есть в режиме реального времени, подключиться к наблюдению за событиями на линии бое столкновений в зоне СВО или в течение буквально нескольких минут получить рисунки, созданные "искусственным интеллектом", то есть компьютерными программами, по вашему словесному описанию. Всё это воспринимается большинством наших современников всего лишь как часть "новой реальности" XXI века. На-

пает конфликтология, в том числе, разумеется, конфликтология военная, что приобретает особую актуальность на фоне событий, связанных с проведением Специальной военной операции на Украине. Как известно, на Западе их трактуют как противостояние "альянса демократий незаконной и неспровоцированной агрессии автократической России" ради защиты "выбравших свободу героических украинцев" и всего "мирового порядка, основанного на правилах". У нас же — как часть той гибридной войны, которую Запад ведёт против России и русских как её государствообразующего народа.

Казалось бы, при чём здесь наука синергетика? А вот при чём, например. "В виде "игроков" на исторической сцене сегодня видятся не государство, а более крупные образования — цивилизации" — отмечает Георгий Малинецкий, тем самым ставя под вопрос весьма ныне популярный тезис о том,

по "альянсу демократий" — с другой. Эти цифры рисуют почти 20-кратное превосходство последних, чего на деле не оказалось и в помине, то есть цивилизация коллективного Запада здесь попала в плен собственных иллюзий, основанных на ценностях, а в роли этих иллюзий здесь выступил трижды фиктивный, но такой удобный и привычный показатель ВВП, измеряемый — не смеётся! — в американских долларах, которые давно "печатаются из воздуха". Или, сюда же, тезис о том, что у России нет ряда жизненно важных отраслей промышленности, следовательно, она должна критически зависеть от их импорта и, соответственно, от валютных доходов за экспорт своего сырья. И что, 10 тысяч "санкций из ада" привели к обещанному краху российской экономики?

Это не проблема "плохой разведки" или "плохой политики" коллективного Запада — это проблема "плохих цен-

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

столько же очевидная и даже обыденная, какими стали трансатлантические мореплавания после Христофора Колумба или космические полёты после Юрия Гагарина. Но те, кто, собственно, занимается созданием и совершенствованием "суммы технологий" как инфраструктуры, необходимой для таких прорывов в "новую реальность" и для обратной связи с ней, видят здесь не только "окна возможностей" вместе с "окнами угрозы" и даже не только "фа-сайд проблем", но прежде всего конструкцию и функционал всей системы в её общности, единстве и цельности (кстати, весьма изменчивых).

Среди многочисленных титулов автора этой книги присутствует и такой: действительный член Академии военных наук. Нет, Георгий Малинецкий не рассчитывает траектории ракет и не создаёт какие-то сверхсекретные компьютерные программы, но он занимается проблемами межсистемного (я бы даже осмелился сказать — межпланетного) взаимодействия и синергетики, частным случаем которых высту-

по главным субъектом историй в настоящее время становится сеть транснациональных корпораций (ТНК), идущая на смену "классическим" национальным государствам XIX–XX веков. И данную точку зрения подтверждает сама топонимика нынешнего "украинского" конфликта, гораздо более сложная, чем навязывается нам посредством различных комплексов пропагандистско-маскировочных воздействий. Взять хотя бы позицию, которую заняли в этом конфликте Китай, Индия, страны Латинской Америки или исламские государства, включая Турцию, Иран, Саудовскую Аравию и т. д., от Марокко до Индонезии. Это что, похоже на битву "демократий" против "автократий"? Никуда!

При этом автор книги указывает: "Важнейшая причина, по которой ведущие страны Запада решились на военный конфликт с Россией, — представление о том, что нашей стране не хватает средств для масштабных, длительных военных действий", и приводит данные о размерах ВВП России, с одной стороны, а США и их союзников

ностей и целей", не позволяющих правильно определить (аппроксимировать) важнейшие системные параметры конфликта. Но это — лишь один из самых общих моментов, затронутых Георгием Малинецким в данной работе, достояние компактной по объёму. А есть ещё десятки других, не менее важных и интересных. Например, почему необходимо возвращение российских военных академий в Москву и Ленинград, чем в современных условиях наполняются классические стратегемы конфликта из "Искусства войны" Сунь-Цзы, как можно и нужно управлять процессами дополнения и трансформации виртуальной реальностью реальности обычной и так далее. Представляется, что было бы оправданным переиздание расширенного и дополненного автором варианта этой работы уже для массового российского читателя — в жанре, приближённом к "Занимательной физике" и "Занимательной математике" Я.И. Перельмана.

Александр МАСЛОВ

Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский — кузнец внешней политики: дипломат, министр МИД, генеалог, историк, коллекционер / Сост. Е.С. Фёдорова, Н.Д. Лобанов-Ростовский. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 680 с.

Юрикович: жите-бытие многогрешного князя Никиты / Сост. Н.Д. Лобанов-Ростовский, Е.С. Фёдорова. София: Издательство Захарий Станов, 2022. — 628 с.

ОДНА из интереснейших новинок сезона — книга, посвящённая Алексею Лобанову-Ростовскому (1824–1896), князю, выдающемуся дипломату, библиофилу, коллекционеру, да и вообще подлинному аристократу, сочетавшему в себе азарт, любовь к дамскому полу, страсть к красивым вещам с горячим патриотизмом и беспримерной храбростью. Составители фоллианта — Екатерина Фёдорова и, собственно, князь Никита Лобанов-Ростовский, потомок сего знатного рода, — продолжили значительный труд, явив нам личность разностороннюю и живую, свидетеля и творца эпох.

Здесь документы и отрывки из мемуаров, дневниковые заметки, выписки и ссылки на источники. Везде мы видим одно и то же: сильный волей, умный, понимающий и вместе с тем не лишённый авантюризма человек, он оказался рождён для тонкого искусства дипломатии. Рассказ начинается с тщательной прописанной генеалогии Лобановых-Ростовских: служение Отечеству было для них столь естественным, как само дыхание.

"Он гордился быть русским, и это чувство нисколько не ослабело в нём потом: ни под влиянием широкой европейской образованности, ни от длительного пребывания в чужих краях", — утверждал Владимир Теплов, дипломат и публицист, генеральный консул России в Нью-Йорке и заместитель директора Телерафного агентства. Читателя ждёт очень много новых, точнее, подзабытых имён. Активно цитируются брошюры, не переиздававшиеся с XIX века, и возникает полноценная картина истории.

Какая служба протекает без интриг и неприятностей? Друзья и доброжелатели рисуют образ возвышенный, а враги добавляют щепотку перца. Нам важны все мнения. "Князь Алексей Борисович тем не менее был большим поклонником прекрасного пола. Как в первый свой приезд в Константинополь, так и во второй, предметы любви он выбирал среди femme de Balzac. Героинею первого романа была жена секретаря французской миссии..." — посмеивался дипломатомонархист Юрий Карцов, противник, недруг, злословитель. Он же, услышав, что князя именуют звездой первой величины (étoile de première grandeur), добавил, что всё сходство Лобанова с étoile в том, что светит, но не греет.

Фигура Лобанова-Ростовского хорошо известна в Болгарии, поэтому в сборник включены статьи болгарских авторов, например, "Освобождение" Любомира Левнева и "Восточный вопрос" Румена

Петкова. И если Петков даёт суховатую политическую оценку, то Левчев пишет развёрнутое повествование о русско-болгарских связях, выдаёт нам прототип тургеневского Инсарова, благодарит Александра II за освобождение страны и доказывает, почему без деятельной помощи Петербурга всё было бы тщетно.

Балканский вопрос был одним из болезненных, запутанных в 1870–е–1880-е годы, и каждая из крупных держав считала своим долгом поучаствовать в его обсуждении. На излёте "века девятнадцатого, железного" Россию воспринимали как мощного игрока, держащего почти все козыри. Русский царь мог диктовать Европе свои условия. Константинопольский мирный договор 1879 года, подписанный Лобановым-Ростовским со стороны России, был огромной дипломатической победой и гарантией спокойствия в регионе.

Обо всём этом и многом другом, допустим, о работе Лобанова-Ростовского в Комиссии "по делам о расколе" — можно узнать из предложенной книги. Среди плюсов этого издания — грамотное размещение материалов на странице, что делает книгу читабельной.

ДВА КНЯЗЯ

Сейчас редко обращают внимание на полезные "мелочи", вроде отступов и деления на небольшие абзацы. Чтение должно быть приятным, даже если речь идёт о таких сложных материях, как царская дипломатия.

А вот своеобразное продолжение: сборник с лаконичным названием "Юрикович", где повествуется о замечательном человеке — Никите Дмитриевиче Лобанове-Ростовском. Аристократ, никогда не боявшийся работы, геолог и финансист, спортсмен и коллекционер, искусствовед и знаток политической истории — таков этот представитель Русского мира.

К сожалению, книга издана не в России, а в Болгарии, с которой оказалась неразрывно связана жизнь семьи Лобановых-Ростовских. Как указывалось выше, один из родственников Никиты Дмитриевича был участником балканских перипетий, повлиявших на дальнейшую судьбу Европы.

Но вернёмся к князю Никите. Он родился в 1935 году в Софии, так как его родители были вынуждены покинуть Отечество, но их трудно осуждать за это! Жизнь Лобановых-Ростовских выдалась неспокойной: их ждали и послевоенные репрессии, и разного рода скорби, а то и настоящие приключения, о которых повествует роман "Удавшийся побег" Сергея Гинчука-Галани, российского историка греческого происхождения, автора монографий о Балканах.

В сборнике "Юрикович" дан отрывок из книги и потрясающая рецензия. "Перед нами поистине гремучая смесь классического авантюризма романа Le roman de cape et d'épée (плаща и шпаги) и не менее классического романа становления личности Bildungsroman. У самого автора есть что-то такое от галльского, мушкетёрского духа Д'Артаньяна", — эффектно высказался Никола Казански, один из руководителей Центральной библиотеки Болгарской академии наук.

Масса удивительных фотографий: маленький князь в костюме болгарского крестьянина, юноша-студент, мужчина-геолог, светский лев, труженик, друг и собеседник мировых знаменитостей.

Это параллельные вселенные, сочетаемые в одном персонаже. "Он — неравнодушный участник событий бытия, поэтому и сам интересен многим людям. Понимания Лобанова-Ростовского в области искусства глубоки и содержат редкие, до сих пор мало кому известные сведения", — констатирует профессор МГУ Екатерина Фёдорова, одна из составительниц сборника.

В книге так много рисунков Бакта, Серебряковой, Гончаровой, Бенуа, что это кажется ...альбомом по искусству эпохи ар-нуво. Князь объясняет свою страсть к "театрально-балетной" тематике: она динамична, как динамичен он сам. Его отношение к людям не зависит от их происхождения.

Отсутствие личностной дистанции и ровное общение с лондонскими таксистами, коих упоминает князь, вовсе не означает слияние с "массовым человеком". Это изначило и неизбежно очерчено. Даётся через постижение искусств, смыслов и, как ни странно, одежды. "Элегантный мужчина не должен быть замечен. Только те, которые причастны хорошему вкусу, видят джентльмена", — признаётся Лобанов-Ростовский. "Мода не влияет на

одежду аристократов", — подытоживает князь, и они (господа) придерживаются форм, затверженных ещё в XIX столетии.

Князь выдаёт и дефиницию аристократа: "Ровное отношение ко всем вокруг плюс выраженное эстетическое начало". Шутит насчёт того, что его часто зовут на мероприятия в качестве "свадебного генерала". Он способен рассуждать обо всём: о Востоке — шахском Иране и афганских событиях, о Западе — Лондоне и Софии, живописи, финансах, людях. Говорит, что "наука доставляет большее удовольствие, чем деньги", хотя с приятностью вспоминает о своём банковском успехе. Но что это рядом с геологией?

С теплотой — о Сергее Дягилеве, сделавшем всё русское прорывным и актуальным в XX столетии: "Русская музыка и искусство были практически неизвестны западному миру. Только после первых дягилевских сезонов западная публика познакомилась с русской музыкальной и балетной классикой".

Очень важная фраза: "России следует сосредоточиться на самой себе", то есть не быть ни Европой, ни тем более Востоком, развизываясь, не глядя на оценки и не пытаясь подстраиваться. Объясняет, почему русских не любят в той же Англии: "За последние 20 лет отношение сильно ухудшилось. Негатив возникает потому, что "новые русские" приехали с огромными краденными состояниями и начали скупать центр Лондона..." В общем, к русским стали относиться хуже из-за тех, кого и в России мало кто обожает, и это мягко сказано.

Особое место в сборнике отведено Памятнику примирения в Севастополе, одному из инициаторов которого явился Никита Дмитриевич. По этому поводу было сказано немало копий — до сих пор не окончен спор на тему правых и неправых в Гражданской войне. Лобанов-Ростовский, чей род пострадал от событий столетней давности, имеет право голоса в этой ситуации, и он за примирение сторон.

Галина ИВАНКИНА

РДО-3 (Третий Русский Добровольческий Отряд) во время Боснийской войны. Март 1994 года

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Борис Земцов. За русское дело на сербских фронтах. — М.: Книжный мир, 2022. — 272 с.

СКОРО год, как началась российская Специальная военная операция на Украине, а мировые массмедиа сообщают, что официальный Белград в лице президента Александра Вучича "со слезами на глазах", "по готову при-нять "Евросоюз" по Косово и подключить к антироссийским санкциям из-за угроз Вашингтона и Брюсселя окончательно "порвать в клочья" Сербию и сербский народ. Казалось бы, сегодня события 1990-х годов, "дела давно минувших дней", когда сербы пытались отстоять свои права с оружием в руках, а не повыводить их за чечевичную похлёбку "альянса демократий", можно уже забыть и лучше не вспоминать, относя их к разряду "ошибок прошлого".

Нет, такое забвение, по сути, равносильно предательству по отношению к самим себе. "Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто старое забудет — тому оба глаза вон!" То, что творится на Украине и в Новороссии, что происходит в недрах российского общества и в сознании наших соотечественников, очень созвучно проблемам, поднятым в балканской эпопее Б.Ю. Земцова", — отмечает в своём "Слове издателя" Дмитрий Лобанов. "Борис Земцов и его фронто-

вые товарищи преобразовали Русскую геополитику в боевые действия на Балканском рубеже. Вот это и есть личная, персональная геополитика", — пишет в предисловии к этой книге полковник Владимир Квачков. Так оно и есть, поскольку "большая", в масштабе стран и континентов, геополитика всегда складывается из миллионов геополитик "маленьких", личных, связанных с выбором каждого человека. Чаще всего этот выбор остаётся безвестным, но не бесследным. Каждый народ, каждое государство складывается из бесчисленных песчинок жизней тех людей, которые его создавали и отстаивали. Поэтому отречься от своей родины, от своего народа — значит отречься от своих предков, от самого себя.

В книге Бориса Земцова две основные части: "Боснийская тетрадь" повествует о событиях весны 1993 года, "Недобрая сербская весна — 1999" — о том, что происходило через шесть лет там же в самой Сербии, подвергшейся тогда "гуманитарным бомбардировкам" вооружёнными силами НАТО в рамках операции "Союзная сила" (американцы называют её "Благородная наковальня"). На всём, что происходило тогда на сербской земле, я смотрел глазами патриота-державника, совсем недавно воевавшего здесь, помогавшего братьям-сербам отстаивать право иметь свою веру, свою культуру, свою территорию", — пишет автор, глядя в годы своей молодости умудрёнными глазами человека, прошедшего после тех испытаний ещё и долгий последующий путь — других поражений и других побед.

И опыты поражений не менее важны, чем опыты побед, особенно если из них

Это дожди твои, росы, ручьи, Реки, море твоё отныне... Кто это?! Кто?! Я сам...

Те русские добровольцы (автор книги — в том числе), которые сражались за Сербию в 1990-е, — очередное свидетельство не только отменной ещё Достоевским "всеприимной отзывчивости" нашего русского народа, но его отзывчивости на высшую идею каждого народа или, по определению Владимира Соловьёва, не на то, что народ думает о себе во времени, но на то, что Бог думает о нём в вечности... И у этой высшей идеи — всегда один язык, язык Истины. Счастливы те, кто знает этот язык Истины, поскольку он оказывается способен говорить на нём с людьми всех времён и народов, понимать их, как они его. Говорить на этом языке Истины — и есть русская идея, русская мечта, русское дело. Не больше, но и не меньше того. "Когда хоронили на кладбище города Выеграда Костю Богословского, героя битвы за высоту Златков, все мы, русские добровольцы, прекрасно понимали и отца Райко, служившего панихида, и сербских ополченцев, и представителей местной общины, выступавших на том сербском мероприятии. Понимали без переводчиков и словарей".

Надо помнить, что война между истиной и ложью не прекращается. Она идёт везде и всегда. И между нами, и внутри нас. Книга Бориса Земцова — одно из свидетельств тому.

Георгий СУДОВЦЕВ